

УДК 576.8.095.38:851.155

СОВМЕСТНАЯ МИГРАЦИЯ КЛУБЕНЬКОВЫХ БАКТЕРИЙ И БОБОВЫХ РАСТЕНИЙ В НОВЫЕ МЕСТООБИТАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ КОЭВОЛЮЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ (ОБЗОР)

© 2013 г. Н. А. Проворов*, В. А. Жуков*, О. Н. Курчак*, О. П. Онищук*, Е. Е. Андронов*, А. Ю. Борисов*, Е. П. Чижевская*, Т. С. Наумкина**, А. О. Овцына*, Н. И. Воробьев*, Б. В. Симаров*, И. А. Тихонович***

*Всероссийский научно-исследовательский институт сельскохозяйственной микробиологии Россельхозакадемии, С.-Петербург, 196608

**Всероссийский научно-исследовательский институт зернобобовых и крупяных культур Россельхозакадемии, Орел, 303112

***Санкт-Петербургский госуниверситет, С.-Петербург, 199034

e-mail: provorov@newmail.ru

Поступила в редакцию 17.05.2012 г.

В обзоре обобщены результаты изучения совместной миграции клубеньковых бактерий и бобовых растений в новые местообитания, которая часто сопровождается снижением эффективности их симбиоза в связи с утратой разнообразия по генам, контролирующим взаимодействие. Эта миграция может приводить к появлению новых симбионтов в результате переноса генов из исходных симбионтов в местные бактерии. Показано, что новые симбионты обычно лишены способности к фиксации N_2 , но обладают высокой конкурентоспособностью, блокируя инокуляцию бобовых культур производственными штаммами. Конструирование ко-адаптированных систем узнавания и сигнального взаимодействия партнеров является перспективным подходом для обеспечения конкурентного преимущества эффективных штаммов ризобий, интродуцируемых в агроценозы совместно с хозяевами, над неактивными местными штаммами.

DOI: 10.7868/S0555109913030148

Растительно-микробные симбиозы (РМС), которые формируются в результате мутуалистического (взаимовыгодного) взаимодействия растений и микроорганизмов – эффективная стратегия ко-адаптации партнеров к неблагоприятным условиям среды [1, 2]. Симбиозы с бактериями или грибами улучшают минеральное питание растений (на основе фиксации N_2 или мобилизации питательных ресурсов почвы), а также их устойчивость к патогенам и фитофагам (благодаря синтезу токсинов и антибиотиков, либо индукции иммунных реакций растений) и к ряду абиотических стрессов [3]. Поэтому интродукция растений в новые местообитания (которая происходит в процессе как естественной эволюции, так и доместикации растений) наиболее успешна в том случае, если она осуществляется в комплексе с полезной микрофлорой, обеспечивающей быструю адаптацию хозяев к стрессовым условиям [4].

Удобной моделью для изучения адаптивных процессов, происходящих при совместной миграции растений и бактерий в новые условия, является N_2 -фиксирующий бобово-ризобиальный (клубеньковый) симбиоз, изучение которого проводится с помощью широкого арсенала совре-

менных подходов, включая методы молекулярной экологии и математического моделирования [5, 6]. Развитие клубенькового симбиоза определяется комплементарными генными системами партнеров, которые возникли в результате их продолжительной (60–70 млн. лет) коэволюции [2]. Ключевую роль в развитии симбиоза играют бактериальные *nod*-гены, которые кодируют синтез липо-хито-олигосахаридных *Nod*-факторов – сигналов, активирующих системные и локальные ответы у растений. В результате сигнального взаимодействия партнеров происходит инфицирование и развитие клубеньков, кульминацией которого является эндоцитоз бактерий в растительные клетки, где образуются N_2 -фиксирующие бактериоиды (у эволюционно продвинутых бобовых “галегоидного” комплекса, включающего роды *Galega* L., *Medicago* L., *Pisum* L., *Trifolium* L., дифференцировка бактерий в бактериоиды является необратимой). Бактериоиды поддерживаются в органеллоподобных внутриклеточных компартментах, симбиосомах, которые осуществляют активный экспорт продуктов нитрогеназной реакции (главным образом, аммоний) и импорт С-соединений (дикарбоновые кислоты), используемых для ее обеспечения энергией.

Повышение эффективности РМС и их широкое использование в сельскохозяйственной практике основано на изучении эколого-генетических и молекулярных механизмов взаимодействия партнеров, определяющего их взаимную адаптацию к различным агроклиматическим условиям. Хотя в условиях почвы не способные к азотфиксации штаммы ризобий часто проявляют более высокую экологическую приспособленность, чем активные азотфиксаторы, основным направлением коэволюции партнеров клубенькового симбиоза является повышение эффективности симбиотрофного питания растений азотом, сопровождаемое возрастанием структурной организованности и функциональной целостности симбиоза. Знания о популяционных факторах и молекулярных механизмах этой эволюции могут быть использованы для конструирования улучшенных РМС и их широкого внедрения в экологически устойчивое агропроизводство, основанное на замене химических микробными препаратами [3].

Интродукция растительно-микробных систем из центров происхождения в регионы возделывания. Эволюция РМС в условиях агроценоза определяется совместной миграцией растений и микроорганизмов из центров происхождения (где наблюдается большое разнообразие партнеров и их высокая зависимость от симбиоза) в регионы возделывания (где разнообразие партнеров снижено, а эффективность их взаимодействия ограничена активным применением удобрений и пестицидов). В том случае, если новые условия обитания неблагоприятны для исходных симбионтов (ИС), мигрировавших совместно с хозяевами, эволюция РМС может идти по разным сценариям. Один из них заключается в адаптации ИС к новым условиям, которая приводит к выживанию ограниченного спектра микробных генотипов. Второй сценарий подразумевает возникновение новых симбионтов (НС) путем переноса симбиотических (*sym*) генов из ИС в местные бактерии, интенсивность которого может повышаться в ходе симбиотического взаимодействия. И наконец, третий эволюционный сценарий предусматривает расширение спектра симбионтов, способных вступать в симбиоз с растением, за счет утраты последним избирательности взаимодействия с почвенными микроорганизмами.

Первый сценарий был показан для ризобий клевера (*Rhizobium leguminosarum* bv. *trifolii*), интродукция которых вместе с клевером переменчивым (*Trifolium ambiguum* Vieb.) из кавказского центра происхождения в североамериканские регионы возделывания резко снизила полиморфизм бактериальных популяций [7]. Широкое таксономическое разнообразие симбионтов культурной сои, *Glycine max* (L.) Merr. и *G. soja* Siebold & Zucc. (*Bradyrhizobium japonicum*, *B. elkanii*, *Sinorhizobium fredii*) наблюдается в Китайском центре проис-

хождения, тогда как в сельскохозяйственных зонах США это разнообразие ограничено лишь некоторыми генотипами *B. japonicum* [2].

Второй сценарий – возникновение НС путем переноса *sym*-генов из ИС в местные бактерии (таблица) – обеспечивается локализацией генов симбиоза на *Sym*-плазмидах (**pSym**) или в “геномных островах”, которые содержат гены образования клубеньков (**nod-гены**) и фиксации N₂ (**nif/fix-гены**, кодирующие синтез и функционирование нитрогеназы). Хотя частоты переноса этих генов невелики, его вклад в эволюцию симбиотических бактерий весьма значителен, поскольку при взаимодействии с растениями редко возникающие рекомбинанты подхватываются частотнозависимым отбором и быстро вовлекаются в микроэволюционные процессы [8].

Такая адаптивная стратегия была осуществлена при интродукции: а) фасоли (*Phaseolus vulgaris* L.) из южноамериканского центра происхождения в Европу совместно с ризобиями *R. tropici* и *R. etli*, которые послужили для местных бактерий донорами pSym [9, 10]; б) лядвенца (*Lotus corniculatus* L.) из Средиземноморья в Австралию совместно с ризобиями *Mesorhizobium loti*, которые послужили для местных бактерий донорами хромосомных “симбиотических” островов [11]. Рекомбинанты, возникающие при гибридизации интродуцированных и местных бактерий, закрепляются в популяциях благодаря экспрессии *nod*-генов, обеспечивающей размножение бактерий в клубеньках. Однако N₂-фиксирующая активность вновь возникших НС обычно является низкой или нулевой, что связано с нарушениями экспрессии *nif/fix*-генов на новом генетическом фоне [12].

Мы изучили эти эволюционные процессы, сравнив полиморфизм популяций *R. leguminosarum* bv. *viciae* из Украины (область интенсивного возделывания вики, *Vicia sativa* L. и *V. villosa* Roth.) и Средней Азии (центр разнообразия рода *Vicia* L.) [13]. Среднеазиатские популяции *R. leguminosarum* bv. *viciae* оказались высоко полиморфными по составу плазмид (что связано с таксономическим разнообразием хозяев, представленных более чем 15 видами *Vicia*) и обладали низкой активностью утилизации сахаров (отсутствующих в низкоплодородных сероземных почвах полупустынной зоны, покрытых редкой растительностью). Однако эти штаммы проявляли высокую активность симбиоза, которая отражает сильную зависимость бактерий от растений.

В противоположность этому, украинская популяция *R. leguminosarum* bv. *viciae* была низко полиморфной по составу плазмид, активно усваивала сахара (доступные в плодородных черноземных почвах, покрытых плотной растительностью). Однако симбиотическая эффективность украинских штаммов по сравнению со среднеазиатскими была

Эволюция новых видов ризобий путем горизонтального переноса *sym*-генов в местные бактерии, связанного с интродукцией бобовых растений-хозяев в новые местообитания (библиография дана в обзоре [2]).

Растение-хозяин	Направление (возраст) интродукции растений	Ризобии, интродуцированные вместе с хозяином, доноры <i>sym</i> -генов	Местные бактерии, предполагаемые реципиенты <i>sym</i> -генов	Новые симбионты, возникшие в областях интродукции	Передаваемые генетические элементы
<i>Lotus corniculatus</i> L.	Европа → Новая Зеландия (7 лет)	<i>Mesorhizobium loti</i>	Асимбиотические штаммы <i>Mesorhizobium</i>	<i>Mesorhizobium</i> sp.	Хромосомные острова (до 611 т.п.н.)
<i>Biserrula pelecinus</i> L.	Средиземноморье → Австралия (12 лет)	<i>Mesorhizobium</i> sp.	То же	То же	То же
<i>Robinia pseudoacacia</i> L.	Северная Америка → Европа (≈300 лет)	<i>Mesorhizobium huakuii</i>	Местные ризобии и агробактерии	<i>M. loti</i> , <i>M. amorphae</i> , <i>R. leguminosarum</i> , <i>R. tropici</i>	Возможно, симбиотические острова
<i>Amorpha fruticosa</i> L.	Северная Америка → Китай (≈50 лет)	<i>Mesorhizobium amorphae</i>	Местные ризобии	<i>Mesorhizobium</i> sp., <i>R. leguminosarum</i> , <i>B. elkanii</i>	То же
<i>Phaseolus vulgaris</i> L.	Северная и Центральная Америка → Европа (≈500 лет)	<i>Rhizobium tropici</i> , <i>R. etli</i>	Местные ризобии и агробактерии	<i>R. leguminosarum</i> bv. <i>phaseoli</i> , <i>R. gallicum</i> , <i>R. giardinii</i>	Возможно, <i>Sym</i> -плазмиды
<i>Glycine max</i> (L.) Merr.	Северная Америка → Южная Америка (≈80 лет)	<i>Bradyrhizobium japonicum</i>	Местные ризобии и агробактерии	<i>Rhizobium</i> sp., <i>B. elkanii</i>	Нет данных

снижена, что отражало меньшую зависимость от хозяев, которая проявлялась у бактерий в благоприятных эдафических условиях [13].

Высокая зависимость популяционной структуры бактерий, интродуцированных вместе с хозяевами в новую экологическую зону, от адаптации к местным эдафическим факторам была показана также для популяций *R. leguminosarum* bv. *trifolii*, мигрировавших совместно с красным и белым клевером (*Trifolium pratense* L., *T. repens* L.) в бореальную экосистему о. Средний (Белое море), где эти бактерии взаимодействовали с генетически родственными штаммами *R. leguminosarum* bv. *viciae* – симбионтами местных видов вики (*Vicia* L.) и чины (*Lathyrus* L.) [14]. Эта адаптация выразилась в повышенном разнообразии хромосомных маркеров у *R. leguminosarum* bv. *trifolii* (показанного путем ПЦР-анализа локуса IGS), тогда как разнообразие находящихся на *pSym* локусов *nod* и *nif* было низким, показывая, что интродуцированные ризобии клевера эволюционировали путем адаптации к почвенным нишам, контролируемой в основном хромосомными генами. В объединенной популяции *R. leguminosarum* (bv. *trifolii* + bv. *viciae*) выявлена высокая панмиктичность (случайное комбинирование плазмидных и хромосомных локусов), показавшая значительный вклад гори-

зонтального переноса *sym*-генов в формирование популяционной структуры. Этот фактор играет ключевую роль в эволюции симбиоза, обеспечивая формирование у ризобий новых генных систем, контролируемых взаимодействием с растениями [2].

Для того чтобы выяснить, почему бактерии, интродуцированные совместно с хозяевами в новые условия, эволюционируют главным образом благодаря адаптациям к эдафическим факторам, а не к растению-хозяину, мы использовали методологию математического моделирования эволюционных процессов, которые происходят в бактериальных популяциях на автономных и симбиотических стадиях жизненного цикла.

Моделирование коэволюционных процессов. Используя методы математической композиции, мы разработали схемы компьютерных экспериментов по изучению эволюции РМС в природных экосистемах и агроценозах [15]. Созданные модели позволили нам объединять процессы конкуренции ризобий за почвенные, ризосферные и клубеньковые ниши в серию циклов, представляющих длительный (неограниченный во времени) эволюционный процесс. Компьютерные эксперименты показали, что возникновение у микросимбионтов адаптаций к выживанию в почве и к

образованию клубеньков являются результатом быстро протекающих микроэволюционных процессов, которые зависят от индивидуального (Дарвиновского, частотно-зависимого) отбора, происходящего при конкуренции между различными штаммами бактерий на ранних стадиях симбиоза (преинфекция, проникновение в корневые волоски). Благодаря этим процессам из почв могут “извлекаться” очень редкие (возникающие с частотами менее 10^{-12}) рекомбинанты, для закрепления которых в ассоциированных с растениями микробных популяциях оказывается достаточным небольшого числа (10–15) микроэволюционных циклов [2].

В то же время эволюция высокой активности N_2 -фиксации является гораздо более длительным процессом, основанным на групповом отборе, который происходит при конкуренции между внутриклубеньковыми клонами за трофические ресурсы, предоставляемые хозяином на поздних стадиях симбиоза (функционирование глубоко дифференцированных бактериоидов в составе зрелых симбиосом). Этот отбор особенно важен для эволюции ризобий – симбионтов бобовых “галегоидного” комплекса, поскольку характерная для них необратимая дифференцировка бактериоидов является результатом межвидового альтруизма, “запрещенного” в рамках Дарвиновской парадигмы адаптивной эволюции [16].

Кроме того, эволюция ризобий на повышение активности N_2 -фиксации происходит *in planta*, где она определяется дифференциальным размножением N_2 -фиксаторов под контролем метаболических обратных связей с растением-хозяином, поставляющим С-соединения в активно фиксирующие N_2 клубеньки [17]. Если растения испытывают дефицит азота, характерный для природных экосистем, то эти обратные связи весьма эффективны, что и позволяет растениям развиваться на основе симбиотрофного питания азотом. Однако регуляторные связи партнеров могут нарушаться при активном внесении удобрений, продукты ассимиляции которых подавляют развитие симбиоза. Поэтому в естественных экосистемах эволюция НС продолжается вплоть до их преобразования в активные азотфиксаторы, тогда как в агроценозах это преобразование резко замедлено или даже полностью блокировано, в связи с чем в почвенных популяциях накапливаются вирулентные штаммы, не способные к активной фиксации N_2 .

Результаты математического моделирования эволюционной динамики симбиоза показали, что интродукция РМС в агроценозы должна базироваться на быстро возникающих ко-адаптациях партнеров и будет успешной лишь в том случае, если совместно мигрировавшие генотипы обладают высоко специфичными механизмами узна-

вания, обеспечивающими избирательную инокуляцию растений эффективными микросимбионтами [18]. Такие механизмы позволяют исключить неэффективные штаммы (НС или местные генотипы) из инфицирования растений, которые таким образом инокулируются только специально подобранными или сконструированными активными N_2 -фиксаторами. Моделирование популяционной динамики симбиоза может быть использовано и для оценки эколого-генетических последствий интродукции в агроценозы модифицированных штаммов ризобий, которые могут оказаться по отношению к аборигенному микробиоценозу источниками генов, влияющих на развитие растений [2, 18].

Интродукция ко-адаптированных микробно-растительных систем в агроценозы. На молекулярном уровне сопряженная эволюция растений и бактерий основана на их высокоспецифичном узнавании и сигнальном взаимодействии, которые обеспечивают формирование коадаптированных генетических комбинаций партнеров и, как следствие, устойчивость симбиоза к неблагоприятным факторам среды. Образующие бактериями Nod-факторы имеют высокое сходство с сигнальными молекулами грибов арбускулярной микоризы – Muc-факторами [19, 20]. Бобовые растения способны распознавать структуру Nod-факторов за счет белковых комплексов, в состав которых входит не менее двух высокоспецифичных рецепторных киназ [21]. Одиночные замены аминокислот в последовательностях данных белков могут приводить к смене специфичности распознавания Nod-факторов различными видами бобовых [22–24]. Генетическая трансформация растений люцерны *M. truncatula* Gaertn. экспрессионными конструкциями с генами, кодирующими рецепторные киназы *Nfr1* и *Nfr5* лядвенца японского (*Lotus japonicus* (Regel) K. Larsen), приводит к тому, что люцерна начинает формировать клубеньки с “чужеродными” симбионтами лядвенца, *Mesorhizobium loti* [25]. Однако фиксации азота в таких клубеньках не происходит, что указывает на различие лядвенца и люцерны по генам, контролирующим последующие стадии симбиоза, например, глубокую дифференцировку бактериоидов [26]. В ходе эволюции система узнавания Nod-факторов растением, вероятно, возникла на основе рецепторов, распознающих Muc-факторы, либо хитинподобные элиситоры защитных реакций растения. У бобовых данная система обеспечивает проникновение в растение лишь строго определенных ризобий, не допуская, таким образом, превращения мутуалистических взаимодействий в паразитические.

Рассмотренный выше третий сценарий эволюции РМС, предполагающий расширение симбиотической специфичности растения при интродукции в новые местообитания, вероятно, реали-

зается благодаря молекулярной эволюции генов, кодирующих рецепторы Nod-факторов. В пределах вида горох посевной (*Pisum sativum* L.) выделяется группа дикорастущих “афганских” линий (представители подвида *P. sativum* ssp. *abyssinicum*), несущих аллель гена *sym2^A*, которая блокирует инфицирование растений подавляющим большинством штаммов ризобий из европейских почв [27, 28]. Устойчивость, кодируемая аллелью *sym2^A*, может быть преодолена штаммами *R. leguminosarum* bv. *viciae*, которые несут ген *nodX*, редко встречающийся в европейских популяциях [29–31]. Этот эффект связан с тем, что ген *nodX* кодирует повторное ацетилирование Nod-фактора, который приобретает сродство к гипотетическому белковому рецептору, кодируемому геном *Sym2*.

В то же время вариант рецептора, кодируемый доминантной аллелью *Sym2^E*, характерной для культурных форм гороха (*P. sativum* ssp. *sativum*), обладает низкой специфичностью к бактериальным сигналам и “разрешает” нодуляцию растений широким спектром штаммов *R. leguminosarum* bv. *viciae*, как содержащих ген *nodX*, так и лишенных его. Вероятно, возникновение такой аллели явилось необходимой предпосылкой для продвижения предковых форм культурного гороха из Малой Азии в Европу, где широко распространены аборигенные штаммы *R. leguminosarum* bv. *viciae* – симбионтов дикорастущих видов *Lathyrus* spp. и *Vicia* spp. Эти штаммы не несут гена *nodX*, однако подавляют инокуляцию гороха *nodX*-содержащими штаммами, интродуцированными совместно с горохом.

На основе описанного эволюционного сценария может быть разработана эффективная стратегия для интродукции комплементарных сочетаний генотипов партнеров в агроценозы. Такая интродукция очень важна для гороха (*P. sativum*), производственная инокуляция которого часто неэффективна из-за того, что штаммы *R. leguminosarum* bv. *viciae*, отселектированные на высокую азотфиксирующую активность, оказываются неспособными конкурировать за образование клубеньков с аборигенными штаммами *R. leguminosarum* bv. *viciae* – симбионтами чины и вики. По отношению к гороху эти штаммы неэффективны, однако при его инокуляции оказываются более конкурентоспособными, чем эффективные коммерческие штаммы-инокулянты.

Для обеспечения высокой конкурентоспособности производственных штаммов в сорта культурного гороха (*P. sativum* ssp. *sativum*) из дикорастущих “афганских” линий (*P. sativum* ssp. *abyssinicum*) путем возвратного скрещивания была введена аллель *sym2^A*, которая блокирует инфицирование растений подавляющим большинством аборигенных штаммов. Введение гена *nodX* в производственные штаммы *R. leguminosarum* bv. *viciae* позволяет

им вступать в симбиоз со специально сконструированными линиями *P. sativum* ssp. *sativum* генотипа *sym2^A/sym2^A*, устойчивыми к инфицированию неэффективными (аборигенными или вновь возникшими) штаммами. Специфичность этой системы “ген-на-ген” может быть еще более повышена благодаря замене гена *nodX* на гетерологичный (выявленный у ризобий сои, но отсутствующий у ризобий гороха) ген *nodZ*, который позволяет рекомбинантным штаммам *R. leguminosarum* bv. *viciae* преодолевать *sym2^A*-кодируемую устойчивость гороха к инокуляции ризобиями благодаря фукозилированию Nod-фактора [31].

Однако участие подобных систем “ген-на-ген” и кодируемых ими высокоспецифичных факторов узнавания в контроле бобово-ризобиального симбиоза ограничено [27], поскольку, в отличие от фитопаразитарных взаимодействий, при мутуализме растение “заинтересовано” в сохранении способности к симбиозу с широким спектром микросимбионтов, находящихся в почве. В отсутствие таких систем проблема конкуренции между производственными и местными штаммами ризобий может быть решена путем конструирования рекомбинантных штаммов, у которых интенсивная фиксация N₂ сочетается со способностью активно конкурировать с неактивными азотфиксаторами за образование клубеньков и выживание в почве. У клубеньковых бактерий клевера (*R. leguminosarum* bv. *trifolii*) такое сочетание было достигнуто благодаря введению генов *tfx*, кодирующих синтез олигопептидного антибиотика трифолиотоксина, в симбиотически активные штаммы: полученные рекомбинанты приобрели высокую конкурентоспособность донора, сохранив характерный для реципиента уровень нитрогеназной активности [32]. Аналогичный эффект был достигнут и при передаче *tfx*-генов в ризобии фасоли (*R. etli*) и люцерны (*Sinorhizobium meliloti*): полученные рекомбинанты приобрели способность успешно конкурировать с родительским штаммом за образование клубеньков у *Phaseolus vulgaris* L. и *Medicago sativa* L. соответственно [33].

Для комбинирования высокой симбиотической активности и выживаемости в почве у ризобий вики (*R. leguminosarum* bv. *viciae*) мы [34] использовали плазмиду pSym1032 штамма R11032, кодирующую широкий комплекс адаптивно значимых признаков, включая активную фиксацию N₂, успешную конкуренцию за образование клубеньков у вики мохнатой (*Vicia villosa*) и устойчивость к кислой реакции среды. Конъюгативный перенос этой плазмиды в штаммы *R. leguminosarum* bv. *viciae*, обладающие низкой активностью N₂-фиксации (изоляты из местных популяций Украины) позволил получить широкий спектр рекомбинантов, среди которых 10% оказались активными N₂-фиксаторами, обладающими высо-

кой конкурентоспособностью и кислотоустойчивостью [34].

Для генетического конструирования ризобий люцерны (*S. meliloti*), обладающих повышенной конкурентоспособностью, мы [35] с использованием метода неспецифического Tn5-мутационеза получили серию мутаций, вызывающих нарушения данного признака. Гены *cmp*, маркированные этими мутациями, были локализованы на всех трех репликациях (хромосома и две мегаплазмиды) высокоэффективного и конкурентоспособного штамма СХМ1-105 *S. meliloti*. Некоторые из этих генов кодируют адаптивно значимые признаки бактерий, которые могут быть изучены на лабораторных средах (скорость роста, устойчивость к антибиотикам или фагам, синтез липо-, экзо- или капсулярных полисахаридов). Однако для целей генетического конструирования наиболее привлекательными оказались гены, лишенные проявления *ex planta*, так как перенос этих генов (путем трансдукции фагом фМ12 или конъюгации с помощью различных векторных плазмид) в исходные мутанты вызывает повышение их конкурентоспособности до уровня “дикого типа”. При введении одного из этих генов, *cmp-107* (расположен на мегаплазмиде-1, кодирует мембранный белок с неизвестными функциями) в дефектный по данному гену мутант в составе низкокопийной плазмиды рLw107-8 удалось добиться повышения конкурентоспособности рекомбинантов по сравнению с высокоактивным родительским штаммом [36].

Приведенные примеры показывают возможность использования знаний об эволюционной генетике и молекулярной экологии РМС для развития сельскохозяйственных биотехнологий, основанных на широком использовании микробных препаратов в растениеводстве. Изучение происходящей в природе коэволюции растений и микроорганизмов дает исследователям продуктивные подходы для улучшения РМС, которое направлено на повышение эффективности взаимодействия партнеров [2].

Работа поддержана грантами РФФИ (11-04-01899а, 12-04-00409а), Президента РФ НШ-337.2012.4 и Госконтрактами с Минобрнауки РФ (16.552.11.7085, 12.740.11.0233).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Seckbach J.* Symbiosis: Mechanisms and Model System. Dordrecht, Boston, L.: Kluwer Acad. Publ., 2002. 820 p.
2. *Provorov N.A., Vorobyov N.I.* Evolutionary Genetics of Plant-Microbe Symbioses / Ed. I. Tikhonovich. N.Y.: NOVA Sci. Publ., 2010. 290 p.
3. *Tikhonovich I.A., Provorov N.A.* // Ann. Appl. Biol. 2011. V. 159. № 2. P. 155–168.
4. *Richardson D.M., Allsopp N., d'Antonio C.M., Milton S.J., Rejmanek M.* // Biol. Rev. 2000. V. 75. № 1. P. 65–93.
5. *Franche C., Lindstrom K., Elmerich C.* // Plant and Soil. 2009. V. 321. № 1. P. 35–59.
6. *Kiers E.T., West S.A., Denison R.F.* // J. Appl. Ecol. 2002. V. 39. № 5. P. 745–754.
7. *Seguin P., Graham P.H., Sheaffer C.C., Ehlke N.J., Russele M.P.* // Canad. J. Microbiol. 2001. V. 47. № 1. P. 81–85.
8. *Проворов Н.А., Воробьев Н.И.* // Генетика. 1998. Т. 34. № 12. С. 1712–1719.
9. *Laguerre G., Nour S.M., Macheret V., Sanjuan J., Drouin P., Amarger N.* // Microbiology. 2001. V. 147. № 6. P. 981–993.
10. *Brom S., Girard L., Garcia de los Santos A., Sanjuan-Pinilla J.M., Olivares J., Sanjuan J.* // Appl. Environ. Microbiol. 2002. V. 68. № 12. P. 2555–2561.
11. *Sullivan J.T., Trzebiatowski J.R., Cruickshank R.W., Gouzy J., Brown S.D., Elliot R.M., Fleetwood D.J., McCalum N.G., Rossbach U., Stuart G.S., Weaver J.E., Webby R.J., de Bruijn F., Ronson C.* // J. Bacteriol. 2002. V. 184. № 14. P. 3086–3095.
12. *Sanjuan J., Herrera-Cervera J., Sanjuan-Pinilla J., Munoz S., Nogales J., Olivares J.* // Nitrogen Fixation: from Molecules to Crop Productivity / Ed. F. Pedrosa. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2000. P. 593–594.
13. *Курчак О.Н., Проворов Н.А., Ситаров Б.В.* // Генетика. 2011. Т. 47. № 4. С. 484–491.
14. *Проворов Н.А., Андронов Е.Е., Онищук О.П., Курчак О.Н., Чижевская Е.П.* // Микробиология. 2012. Т. 81. № 2. С. 244–253.
15. *Provorov N.A., Vorobyov N.I.* // Theor. Popul. Biol. 2010. V. 78. № 2. P. 259–269.
16. *Проворов Н.А., Воробьев Н.И., Тихонович И.А.* // Чарльз Дарвин и современная биология / Ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 470–485.
17. *Provorov N.A., Vorobyov N.I.* // Phytochem. Rev. 2009. V. 8. № 4. P. 519–534.
18. *Проворов Н.А., Воробьев Н.И.* // Усп. соврем. биол. 2010. Т. 130. № 4. С. 336–345.
19. *Dénarié J., Debelle F., Promé J.C.* // Annu. Rev. Biochem. 1996. V. 65. № 4. P. 503–535.
20. *Maillet F., Poinsot V., André O., Puech-Pages V., Haouy A., Gueunier M., Cromer L., Giraudet D., Formey D., Niebel A., Martínez E.A., Driguez H., Becard G., Dénarié J.* // Nature. 2011. V. 469. № 7328. P. 58–63.
21. *Radutoiu S., Madsen L.H., Madsen E.B., Felle H.H., Umehara Y., Gronlund M., Sato S., Nakamura Y., Tabata S., Sandal N., Stougaard J.* // Nature. 2003. V. 425. № 6958. P. 585–592.
22. *Smit P., Limpens E., Geurts R., Fedorova E., Dolgikh E., Gough C., Bisseling T.* // Plant Physiol. 2007. V. 145. № 2. P. 183–191.
23. *Zhukov V., Radutoiu S., Madsen L.H., Rychagova T., Ovchinnikova E., Borisov A., Tikhonovich I., Stougaard J.* // Mol. Plant-Microbe Interact. 2008. V. 21. № 8. P. 1600–1608.
24. *Madsen E.B., Antolin-Llovera M., Grossmann C., Ye J., Vieweg S., Broghammer A., Krusell L., Radutoiu S.,*

- Jensen O.N., Stougaard J., Parniske M. // *Plant J.* 2011. V. 65. № 3. P. 404–417.
25. Radutoiu S., Madsen L.H., Madsen E.B., Jurkiewicz A., Fukai E., Quistgaard E.M., Albrektsen A.S., James E.K., Thirup S., Stougaard J. // *EMBO J.* 2007. V. 26. № 12. P. 3923–3935.
26. Velde van de W., Zehirov G., Szatmari A., Debreczeny M., Ishihara H., Kevei Z., Farkas A., Mikulass K., Nagy A., Tiricz H., Satiat-Jeunemaitre B., Alunni B., Bourge M., Kucho K., Abe M., Kereszt A., Maroti G., Uchiumi T., Kondorosi E., Mergaert P. // *Science.* 2010. V. 327. № 5969. P. 1122–1126.
27. Tikhonovich I.A., Kozhemyakov A.P., Ovtsyna A.O., Provorov N.A. // *New Approaches and Techniques in Breeding Sustainable Fodder Crops and Amenity Grasses* / Eds. N.A. Provorov, I.A. Tikhonovich, F. Veronesi. St.-Petersburg: N.I. Vavilov All-Russia Research Institute of Plant Industry Publ., 2000. P. 131–135.
28. Naumkina T. // *Nitrogen Fixation: Fundamentals and Applications* / Eds. I.A. Tikhonovich, N.A. Provorov, V.I. Romanov, W.E. Newton. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1995. P. 174.
29. Четкова С.А., Тихонович И.А. // *Микробиология.* 1986. Т. 55. № 1. С. 143–147.
30. Ma S.W., Iyer V.N. // *Appl. Environ. Microbiol.* 1990. V. 56. № 11. P. 2206–2212.
31. Ovtsyna A.O., Rademaker G.J., Esser E., Weinman J., Lugtenberg B., Tikhonovich I.A. // *Molec. Plant-Microbe Interact.* 1999. V. 12. № 2. P. 252–258.
32. Triplett E.V. // *Appl. Environ. Microbiol.* 1990. V. 56. № 1. P. 98–103.
33. Robledo E.A., Kmiecik K., Oplinger E.S., Nienhuis J., Triplett E.W. // *Appl. Environ. Microbiol.* 1988. V. 64. № 11. P. 2630–2633.
34. Курчак О.Н., Проворов Н.А., Ситаров Б.В. // *Генетика.* 2001. Т. 37. № 9. С. 1225–1232.
35. Onishchuk O.P., Sharypova L.A., Simarov B.V. // *Plant and Soil.* 1994. V. 197. № 2. P. 267–274.
36. Chizhevskaya E.P., Onishchuk O.P., Sharypova L.A., Simarov B.V. // *Biology of Plant-Microbe Interactions* / Eds. I.A. Tikhonovich, B. Lugtenberg, N. Provorov. St. Paul, St.-Petersburg: IS-MPMI, 2004. P. 549–553.

Comigration of Root Nodule Bacteria and Bean Plants to New Habitats: Coevolution Mechanisms and Practical Importance (Review)

N. A. Provorov^a, V. A. Zhukov^a, O. N. Kurchak^a, O. P. Onishchuk^a, E. E. Andronov^a,
A. Yu. Borisov^a, E. P. Chizhevskaya^a, T. S. Naumkina^b, A. O. Ovtsyna^a, N. I. Vorob'yov^a,
B. V. Simarov^a, and I. A. Tikhonovich^c

^a All-Russian Research Institute for Agricultural Microbiology, Russian Academy of Agricultural Sciences,
St. Petersburg, 196608 Russia
e-mail: provorov@newmail.ru

^b All-Russian Research Institute of Legumes and Groat Crops, Russian Academy of Agricultural Sciences, Orel, 303112 Russia
^c St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia

Received May 17, 2012

Abstract—The review summarizes the results of studies on the comigration of tubercular bacteria and bean plants to new habitats, which is often accompanied by a decrease in the symbiosis efficiency due to a loss of the diversity of genes responsible for the interaction. This migration may lead to a rise in new symbionts as a result of gene transfers from initial symbionts to local bacteria. It was demonstrated that typically new symbionts lack an ability for N₂ fixation but are highly competitive, blocking the inoculation of bean cultures by industrial strains. The design of coadapted systems of recognition and signal interaction of partners is a perspective approach to ensure competitive advantages of efficient rhizobia strains introduced into agrocenoses, together with host plants, over inactive local strains.